

ФЕДЕРИКО АНДАХАЗИ



Таниющийся
с тенью

КНИГА-ЗАГАЛКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Федерико Андахази

Танцующий с тенью

Андахази Ф.

Танцующий с тенью / Ф. Андахази —

Автор «Анатомы», «Милосердных», «Фламандского секрета» создает новый жанр. «Танцующий с тенью» – это роман, исполненный в ритме настоящего аргентинского танго. Хуан Молина мог бы стать величайшим исполнителем танго, затмить самого Карлоса Гарделя – если бы не встретился с Ивонной, если бы она не встретила с Гарделем, если бы не таинственный незнакомец, поселившийся в душе самого Молины. Любовь, смерть, верность, отчаяние – герои Андахази не говорят об этом: они поют танго.

Содержание

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ	5
Часть первая	7
1	7
2	11
3	14
ТРИ ЖЕЛАНИЯ	16
Часть вторая	17
1	17
2	21
3	24
4	31
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37
Примечания	

Федерико Андахази Танцующий с тенью

*С песней жил я, с ней умру,
с ней я странствовал повсюду,
с ней я похоронен буду,
с ней явлюсь перед Творцом.
Как родился я певцом,
так веки им пребуду.*

Хосе Эрнандес, «Мартин Фьерро»¹

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Прежде чем за моей спиной распахнется занавес, а из оркестровой ямы зазвучит музыка, позвольте мне – прямо при вас – вызвать к жизни Хуана Молину. Скоро, очень скоро я покину эту старую сцену и уступлю место героям, чтобы они говорили или, лучше сказать, пели сами за себя; однако сначала разрешите мне представить вас, кто бы вы ни были, этому человеку, который – многие так говорят – был величайшим исполнителем танго всех времен. Обязательный к исполнению приговор «величайшим после Гарделя» в его присутствии не был произнесен ни разу – причиной тому часто являлась искренняя убежденность, а еще чаще – неподдельный страх. Молину не просто уважали – да так, что не смели поднять взгляда, – перед ним преклонялись. Когда он пел, его голос проникал в самые черствые души. А когда он вступал в разговор, с прилипшей к губе сигаретой, в сдвинутой набекрень шляпе, ему удавалось внушить страх собеседникам с самой толстой кожей. Карлос Гардель озарил его начало, и, безусловно, он же явился причиной его крестной муки; благодаря Гарделю он стал тем, кем он стал, но еще более верно, что из-за Гарделя он не стал тем, кем мог бы стать. Молина рос в свете звезды Певчего Дрозда, однако жизнь он прожил под гнетом его тени – хотя и не так, как Сальери, поскольку никогда не держал на Гарделя зла; напротив, верность его была безоговорочной. Молина никогда не разделял убеждения, что мир перед ним в долгу, столь распространенного среди людей посредственных, почитающих себя обладателями талантов, которых всем прочим смертным просто не разглядеть. Ему были неведомы муки болезненного самолюбия, и, несмотря на то, что слава его так и не перешагнула через границы городских предместий, бывали моменты, когда он признавал себя человеком удачливым. Не существует фотографий, запечатлевших его на Монмартре или в Латинском квартале в те времена, когда Париж почитался музыкальной Меккой. С него не писали портретов сепией на Бруклинском мосту; не осталось картин, изображающих его на борту корабля, на фоне ускользающего Буэнос-Айреса, каким он видится с Ла-Платы. Но Молина навсегда сохранил снимок, где он, совсем молодой, стоит рядом с Гарделем, а поверх изображения идет дарственная надпись: «Моему другу и сотруднику, Хуану Молине». Слово «друг» – он всегда это понимал – было простой формальностью. Впервые о нем услышали в парке Патрисиос; позже его слава добралась до Палермо², спустилась вниз по улице Лас-Эрас, а мифом он стал по другую сторону улицы Бейро. Любовь и злая судьба стали его учителями в поэзии, однако мало кому довелось познакомиться с его горькими и мелодичными стихами. Главным для него было петь. Иного он не хотел. Если кто-нибудь спрашивал, почему он не исполняет песен на собственные стихи, Молина отвечал лаконично: «Кесарю кесарево, а Богу Богово», хотя эта пословица и не объясняла, кто из этих двоих поэт, а кто – певец. Однако точно известно, что природная стыдливость не позволяла ему

² Палермо – квартал в старой части Буэнос-Айреса.

выставлять напоказ собственные мучения. Он мог бы блистать в «Паризиане» или в «Аббатстве», в «Рояль-Пигаль» или в «Буат-де-Чарльтон». Или же в легендарном «Арменонвилле». Но его шествие по столичным кабаре длилось очень недолго, и даже когда Молине удалось ступить на эти легендарные подмостки, это было не что иное, как злая насмешка судьбы. А потом он чаще всего скрывался в каком-нибудь темном углу, за дымной занавесью сигарет «Маркони» без фильтра, – в исполинской тени, которую отбрасывала на этого юношу фигура стоящего на сцене Гарделя.

Дамы и господа, прежде чем яркий конус света этого прожектора оставит меня, чтобы переместиться на исполнителей действительно главных ролей, позвольте мне заранее сообщить вам кое-что из того, что вам надлежит знать: жизнь Хуана Молины была отмечена печатью трагедии. Трагедии, автором которой явился он сам. Возможно, вся его биография уместилась бы в одни сутки. Или в имя одной женщины. Но это было бы несправедливо.

То, что вам предстоит выслушать в дальнейшем, – это печальная и чуть ироничная песня, попытка вновь шаг за шагом пройти путь, что привел Молину к той ночи, когда он сочинил свое роковое танго. Некто, известный лаконизмом и точностью своих определений, сказал, что танго – это печаль, которую танцуют; возможно, именно так, наполнившись этой особой меланхолией, исполняя одну за другой причудливые фигуры этого танца с не совсем обычной хореографией, повинувшись рваному ритму этой воображаемой мелодии, читатель сумеет сделать зрителем этой истории, написанной в размере «две четверти».

Дамы и господа, прежде чем я незаметно покину эту сцену и предоставлю каждому из персонажей возможность спеть свою правду, прежде чем поднимется этот пурпурный занавес, слегка потрепанный временем и забвением, я заранее предупреждаю вас, что нижеследующее представляет собой мелодраму, историю величайшего певца всех времен. И на всякий случай спешу уточнить: после Гарделя.

Часть первая

1

Равнодушная к водам старой реки, присутствовавшей при ее рождении и до сих пор дарившей ей жизнь, – словно неблагодарная горячка дочь, которая повернулась к матери своей юной спиной победительницы, – столица проснулась, сияя, несмотря на бессонную ночь с пятницы на субботу. Парижские крыши Ретиро³, мадридские купола Авениды-де-Майо, приехавшие из Нью-Йорка гиганты, несущие на своих плечах фронтисписы, спроектированные итальянскими архитекторами, шпили небоскребов и флюгеры, венчающие церкви, – весь этот ансамбль, единодушный в своем разнообразии, вырос на фоне прозрачно-фиолетового неба, предвещавшего жаркий день. Буэнос-Айрес, город птиц, заблудившихся среди спящих огней, таких как огни Собора⁴, начинал или, наоборот, завершал очередной день – смотря по тому, где провести условную границу, разделяющую непрерывную городскую жизнь на отрезки длиной в сутки. На дворе безумные годы. На дворе лето. Обитатели ночи, пахнущие табаком и шампанским, брели с покрасневшими глазами, словно застигнутые рассветом вампиры, пытались отыскать еще немного полумрака, последнее танго, последнее прибежище между ног у какой-нибудь дешевой проститутки, готовой продать счастливую надежду на то, что ночь еще не окончательно потеряна. Обитатели ночи выходили из Пале-де-Глас, из Арменонвилля, из Шантеклера, из самых роскошных северных кабаре и двигались в сторону самых грязных трущоб близ порта. Незапятнанная чистота покрышек их кабриолетов с откидным верхом погружалась в грязь извилистых улочек с сомнительной репутацией. Этим ночным странникам очень хотелось походить на настоящих злодеев – за это они готовы были платить наличными. По мере того как всходило солнце, среди этих людей все чаще попадались другие – те, кого заставляли ускорять шаг заводские гудки и бег минутной стрелки на часах; те, кто спешил вовремя явиться на работу. Люди двух этих пород смотрели друг на друга недоверчиво, с обоюдным презрением. А в противоположном направлении двигались те, кто стремился попасть из предместья в центр, те, кто выпрыгивал из трамваев и направлял бег своих матовых ботинок к городским конторам.

Обнаженная, выставив бутоны своих маленьких юных грудей на обозрение любому, кого это заинтересует, облокотившись на балконные перила одного из номеров отеля «Альвеар», похожая на кариатиду, Ивонна созерцает с высоты этого человеческого муравейника все, что открывается взгляду ее бессонных глаз. В руке у нее бокал шампанского, уже утратившего всю свою игристость. Ивонна вымотана до предела, однако ей хочется наполнить легкие воздухом этого утра, наполниться светом и забыть.

Забывать.

За спиной девушки, в комнате, посреди вороха шелковых простыней и подушек, набитых гусиным пером, можно разглядеть очертания спящего мужчины. Мужчина храпит, дыхание у него неровное, прерывистое – как будто бы каждый вздох может стать для него последним; его легкие хрипят, как мехи ветхого бандонеона⁵, в однообразном ритме две четверти. Возможно, чтобы заглушить своим голосом нестерпимое дребезжание этого старика, коровье

³ *Ретиро* – один из центральных фешенебельных районов Буэнос-Айреса.

⁴ *...огни Собора...* – Имеется в виду кафедральный собор Буэнос-Айреса, заложенный в 1593 г.

⁵ *Бандонеон* – особый вид гармоники с мехами. Изобретен учителем музыки из Германии Генрихом Бандом в 1830 г. Позже бандонеон вместе с эмигрантами из Европы попал в Аргентину, где сделался главным солирующим инструментом в оркестрах, исполняющих танго. Именно на бандонеоне играл знаменитый Астор Пьяццолла.

брюхо которого вздымается над простынями, а имени которого она уже не помнит, – или, быть может, оттого, что смесь шампанского с холодным порошком, который она только что нюхала, заставляет ее поверить, что в комнате и в самом деле играет бандонеон, Ивонна начинает петь. Обнаженная на фоне солнечного утра, лицом к городу, опершись на перила и словно желая избавиться от тоски шириной в реку за окном, Ивонна набирает в грудь побольше воздуха и поет:

Если б мне вновь родиться на свет,
позабыть, кто я есть,
если боль моя сгинет, как бред, —
передать бы привет
той девчонке —
я за это отдам
все, что есть у меня,
и все то, чего нет.
Если б сердце из камня внутри
было (как у тебя),

Обращается Ивонна к одной из кариатид, что поддерживают карниз дома напротив и так похожи на саму певицу, —

я б взлетела, как те воробьи,
что весной
улетают домой.
Но в печали, от дома вдали
я устала любовь продавать
без любви,
я устала мужчин целовать
без любви.
Если б мне вдруг опять услышать
старый аккордеон,
что мне с детства знаком;
если б я перестала вдыхать
эту белую льдистую соль,
что приносит лишь боль...
Но я падаю, падаю вниз,
закружилась осенним листом...
Если б вся моя жизнь
оказалась лишь сном,
превратилась в чуть слышную песню
со счастливым концом.

Когда песня кончается, у Ивонны возникает порыв кинуться вниз, влиться в стаю воробьев, снующих по небу без всякого порядка, и убежать, позабыть обо всем. Ивонна мертвой хваткой вцепляется в перила, чтобы избавиться от наваждения, охватившего ее помимо воли. Бокал вертится в воздухе, оставляет за собой шлейф из капель шампанского и в конце концов разбивается вдребезги о плиты тротуара.

Убежать.

Ивонна была французской проституткой. Самой дорогой проституткой в «Рояль-Пигаль» – самом дорогом кабаре Буэнос-Айреса. Она принимала своих клиентов в роскошных апартаментах отеля «Альвеар».

В комнате, что находилась этажом ниже Президентских апартаментов, в том самом номере, где останавливались принцы и главы государств, на той самой кровати, на которой спала инфанта Исабель ⁶, под теми же самыми простынями, Ивонна принимала своих клиентов. Она была одной из самых дорогих проституток, поскольку на самом деле эта девушка представляла собой полную противоположность проститутки. Стройная и легкая, словно пшеничный колосок, колеблемый ветром, Ивонна ничуть не походила на пышнотелых красоток, сидящих за столиками знаменитых кабаре. Невинный, почти что детский взгляд отличал ее от других женщин – со взглядами зловещими, говорящими о большой опытности. Ее груди, которые целиком могли уместиться во впадине одной мужской ладони, казались сосцами девочки и не имели никакого сходства с роскошными прелестями, переполнявшими корсажи девиц, восседавших за стойками в публичных домах. Мужчины просто отказывались верить, что Ивонна – проститутка.

И в этом заключался ее секрет. Эта девушка продавала не секс, а любовь. Она не изображала фальшивых экстазов, не рычала от страсти, не дарила чувственных слов, не восхищалась мужской силой своих партнеров – зато она дарила им нежные иллюзии, живущие в стихах танго. И, определенно, эти иллюзии хорошо оплачивались: пятьсот песо плюс плата за ночь в отеле. Ивонна была доступна не всем. Ее клиентура была немногочисленна. Однако их хватало, чтобы обеспечить девушке по меньшей мере достойное существование и заработать на хлеб ее паразиту-«покровителю». Покровителя звали Андре Сеген, и был он управляющим «Рояль-Пигаль». Но единственное, чего Ивонне хотелось тем утром, – это убежать и забыть. Обнаженная, словно еще одно изваяние под балконом, подставив свою фарфорово-бледную кожу утреннему бризу, Ивонна мечтала о том, чтобы раскрыть глаза и вдруг увидеть перед собой европейский пейзаж своего детства.

Неожиданно раздавшийся шумный храп лежащего в комнате животного обрывает ее последнюю песню. Ивонна видит, что ее клиент вот-вот проснется, поэтому бесшумно одевается, забирает лежащие на ночном столике банкноты и оставляет на месте денег записку, написанную на пропитанной духами бумаге. Поскольку имени этого мужчины она не помнит, девушка выводит правильным и решительным почерком:

Любимый!

Ты был лучшим из того, что случалось со мной за долгое время. Не хочу прерывать твой ангельский сон.

Вечно твоя,

Ивонна.

Босая, ступая на цыпочках – словно для того, чтобы ангелочек не вышел из своей спячки, Ивонна собралась покинуть комнату. Но перед этим она проложила на стеклянной поверхности подоконника абсолютно ровную дорожку снежной пыли и позавтракала, вдохнув этот лед, который замораживал ее душу и служил ей анестезией. И только потом бесшумно вышла прочь. Со взглядом, потерянным неизвестно где, прижимая бумажник к груди, Ивонна спустилась на проспект Кальяо и смешалась с утренней толпой. Она хотела вернуться домой, улечься в постель и уснуть, чтобы позабыть об этой долгой ночи. Ивонна стремилась оказаться дома как можно скорее: вот она рванулась вдогонку трамваю, подъезжающему к остановке; ее короткий

⁶ *Инфанта II Исабель* – Исабель Клара Эухения (1566–1633) – испанская принцесса, дочь короля Филиппа II, правительница Страны Басков; ее знаменитый портрет написал Алонсо Санчес Коэльо.

завтрак уже оказал свое воздействие, и девушка не заметила грузовика, который на полной скорости мчался ей навстречу.

2

По другую сторону Риачуэло ⁷, в самом отдаленном конце города, подернутом вечной дымкой из копоти и сырости, Южный док начинал свой тяжелый день еще до появления первых лучей солнца. Длиннющая труба судоверфи Дель-Плата одиноко вздымалась над облепившими ее вспомогательными конструкциями. Белый дым струился параллельно реке, мешаясь с облаками. Гудок парохода прорезал рассветную тишь. Вздрыгнул разводной мост, подобный колоссу из проржавевшего железа, одну ногу упершему в Док, а другую – в Устье. Мост затрясся, глухо заскрежетал, и спина гиганта лениво поползла вверх, как будто бы он потягивался. И всякое движение на этом новом Родосе – сделанном из брусчатки и листового железа, с фасадами домов, выкрашенными кричащими корабельными красками, с балконами, увешанными гирляндами стираного белья, – замерло.

Неожиданно в утренней дымке вспыхивают фары грузовика, который только что выехал с верфи, а теперь вынужден остановиться в нескольких метрах перед въездом на мост. Водитель, зная, что ему предстоит долгое ожидание, пока пароход не пройдет между разведенными створками, закуривает сигарету, опускает боковое стекло и начинает вполголоса напевать, не выпуская дымящуюся сигарету изо рта. Хуан Молина пел в любое время и при любых обстоятельствах, в полный голос или сквозь зубы, порою сам того не замечая, – он пел так, как другие думают. Вот и теперь, дожидаясь, пока пройдет пароход и опустится мост, он нанизывает одну на другую строфы танго. Под зеркальцем заднего вида в кабине грузовика висит портрет Певчего Дрозда. Хуан Молина, равнодушный к величественной картине вступления корабля во внутреннюю гавань, поет и поглядывает попеременно то в зеркало, то на портрет. Он видит эту зубастую улыбку, эту шляпу, опущенную на левую бровь, видит глаза, которые как будто освещают своим блеском всю кабину. Взгляд Хуана Молины тут же переносится на отражение собственной улыбки; зубы застывают в оскале, непроизвольно копируя мимику Гарделя. Хуан Молина надевает кепку, лежащую у него на коленях, и, воображая, что это фетровая шляпа, сдвигает ее набок, пытается точно выдержать угол наклона – от верхнего края правого уха до изгиба противоположной брови. Напевая, он как будто вырезает слова своего танго на кузове грузовика:

Грузовик мой – не кабриолет,
модным лоском не блещет,
но беды в этом нет:
подождите, услышите скоро,
как вздыхают девчонки вослед,
чуть завидя шофера.

Мне Дроздом из предместья не стать,
смокинг как у Гарделя, боюсь, никогда не достать,
но пусть хожу я в обносках —
подождите, увидите скоро,
как рыдают девчонки в ответ
этим песням простого шофера.

Мне в шикарном не петь кабаре,

⁷ Риачуэло (буквально – Речушка, Ручей) – река, впадающая в залив Ла-Плата, естественная южная граница Буэнос-Айреса.

уж тем более в «Арменонвилле»,
но терпенье: увидите скоро,
как смягчится и самый отпетый злодей,
когда в тесном кругу незнакомых людей
вам сыграет шофер-простофиля.

Я впустую болтать не привык,
я хочу, чтобы вы не забыли
тот портовый простой грузовик,
что водил ваш шофер-простофиля.
Все желания сбудутся вмиг,
засияет огнями витрина:
выступает тот самый Молина
в том прославленном «Арменонвилле».

Девушки, спешащие к воротам фабрик сквозь густую пелену тумана, портовые рабочие в полосатых тельняшках, ожидающие прохождения парохода, чтобы начать свои маневры, – все внезапно подпадают под магию песни Молины и включаются в общий танец на берегу Риачуэло. Все выделяются разнообразные фигуры, соединяются в пары. Разъединяются, меняются партнерами и воссоединяются снова; танцующие отражаются в темной воде, а женщины в это время поют хором:

Пусть не «мерседес-бенц»
и совсем не «грэм-пейдж»,
а простой грузовик —
подождите, услышите скоро,
как вздыхаем мы все от любви,
чуть завидя шофера.

Танцую на бамперах, взобравшись на подножки грузовика, портовики и работницы поют:

Не Венеция здесь, не канал,
Риачуэло – не Сена,
но терпенье, увидите скоро:
мы коврами застелем причал
и поздравим шофера,
когда выйдет наш парень на сцену
знаменитого «Рояль-Пигаль».

Снова гудят фабричные гудки. И тогда, словно развеялись волшебные чары, девушки спрыгивают с подножек грузовика и отправляются дальше, на работу. Портовые рабочие, заметив, что пароход приближается к причалу, кидаются ловить швартовы, которые им бросают с палубы. Оставшись наедине сам с собой, в кабине машины Хуан Молина поглядывает на себя в зеркальце и поет:

Не хвастлив мой правдивый язык,
я хочу, чтобы вы не забыли
про того, кто водил грузовик,
когда имя Хуана Молины,

что впустую болтать не привык,
засияв, разукрасит витрины
того самого «Арменонвилля».

Звуки клаксонов прерывают его песню: корабль наконец-то вошел в гавань и мост только что полностью опустился.

Молина был очень доволен своей работой на судовой верфи Дель-Плата. Самой сложной операцией было загрузить в кузов стальные бруски, остальное давалось легко: пересекаешь весь город, заезжаешь в Северную гавань, а потом сидишь ждешь, пока грузчики с верфи Гудзон освободят кузов. Когда и с этим покончено, возвращайся в Южный док и начинай сначала – и так до шести вечера. Молина мог ехать к Северной гавани и вдоль берега, но почти всегда, как и теперь, он предпочитает внедриться в центр города и прошествовать на своем великолепном «Интернэшнл» через элегантные улицы районов Ретиро и Реколета. Он проезжает мимо «Шантеклера» и «Пале-де-Глас», слушает последние аккорды тамошних оркестров и, как всегда, обещает сам себе, что в один прекрасный день ступит на эти прославленные подмостки. Правда, на мечтания у Молины остается не так уж много времени: ему надо торопиться, паром его слишком задержал. Грузовик набирает скорость и мчится по крутому спуску на Кальяо, когда перед кабиной из ниоткуда появляется женщина. Молина едва успевает нажать на тормоз. Колеса блокируются, шины скрежещут, однако сила инерции все тащит груженую громадину вперед; кажется, затормозить ее невозможно. Когда грузовик наконец останавливается, Молина выпрыгивает из кабины, опасаясь худшего. Он вздыхает с облегчением, увидев, что женщина стоит на ногах, словно статуя, в двух миллиметрах от его бампера. Когда мгновенный испуг и понятное негодование уже позади, Молина, уверенный, что эта женщина нарочно решила броситься под его грузовик, спрашивает, все ли с ней в порядке.

– Вроде бы да, – лепечет дрожащая Ивонна.

– Подвезти вас куда-нибудь?

Ивонна качает головой. И только тогда Молина замечает эти синие перепуганные глаза и чувствует что-то вроде жалости, смешанной с чем-то еще, чего он не в силах объяснить, – юноша до сих пор уверен, что эта красивая и растерянная девушка хотела покончить с собой. Ивонна наконец осознает, что была на волосок от того, чтобы реализовать свое стремление позабыть и убежать со всей возможной полнотой. «Ясно одно, – говорит она про себя, – мой завтрак не пошел мне впрок». Она сама себя боится. Она боится всего. Так и не уняв дрожь, Ивонна садится в трамвай. Хуан Молина забирается в кабину, включает первую передачу и думает, что при иных обстоятельствах он мог бы влюбиться без памяти.

Молина не подозревает, что эта необычная встреча – уже не первая и окажется не последней. Ему неизвестно, что эти печальные синие глаза только что навсегда определили его судьбу.

3

Небольшой людской водоворот на месте того, что могло обернуться трагедией, еще не успел улечься. Прохожие обсуждают происшествие, показывая друг другу следы резины, прикипевшей к мостовой. Автолюбители сбрасывают скорость, любопытствующие продолжают задавать вопросы, а так называемые очевидцы выдвигают свои версии, одна другой кошмарнее и невероятнее. Почти никто не обратил внимания, что еще одна машина, сверкающий «грэм-пейдж», ехавший по проспекту Альвеар, чуть было не впилился в грузовик сбоку.

– Прямо-таки роковой перекресток, – произносит полусонный мужчина, дремавший на мягком заднем сиденье «грэм-пейджа», пока внезапная остановка не оборвала его беспокойный сон – да так, что пассажир стукнулся лбом о переднее сиденье.

– Эта девочка словно заново на свет родилась, – шепчет водитель, указывая на женщину, только что заскочившую в трамвай. – Сейчас самое страшное времечко: пьяные возвращаются из кабаре, а те, кто с утра опаздывает, несутся как очумелые. Самый страшный час, – возвращается он к той же мысли.

Мужчина, полулежавший на заднем сиденье, теперь садится прямо и, пока шофер заново заводит мотор, повыше поднимает поля шляпы, которая совсем недавно была надвинута на глаза, чтобы защитить владельца от света и, что еще важнее, от нескромных взглядов. Он произносит звонким голосом, который так не вяжется с его сонным видом:

– Этот угол таит в себе трагедию; заранее предreshено, что если я где-нибудь погибну, так именно на этом углу.

Водитель кивает. Он уже знает эту историю. Однако его патрон, развалившийся на сиденье, слегка перебравший спиртного, рассказывает ее шоферу в сотый раз. Немало лет назад, а точнее в 1915 году, ему и двум его друзьям – оба актеры – пришла в голову злосчастная идея отправиться в «Пале-де-Глас». Какое-то странное предчувствие убеждало его не ходить; это вообще были неудачные дни, и он опасался встречи с некоей «плохой компанией» из времен, о которых лучше и не вспоминать. Однако друзья его настаивали, а осторожности не место там, где ее могут принять за трусость, – признался мужчина в фетровой шляпе своему водителю, а сам в это время закурил и поудобнее пристроил голову на подлокотнике, – поэтому он в конце концов и дал свое согласие. Как только друзья вошли в заведение, ему в полумраке показалось, что за густыми усами он видит до неприятности знакомое лицо – то самое, которого видеть как раз и не хотел бы. Предчувствие его не обмануло. «Пойдем отсюда», – успел он сказать одному из друзей. Но было поздно. Перед ними уже стоял этот тип с усами, а с ним еще четверо. Далее произошла небольшая потасовка, не имевшая серьезных последствий – так, обмен легкими тычками и взаимные напоминания о старых долгах. Казалось, инцидент исчерпан. Перед рассветом друзья вышли из кабаре, сели в машину и поехали по проспекту Альвеар в сторону Палермо. Но он никак не мог отделаться от предощущения беды; он посмотрел назад через плечо и заметил, что их преследуют. Через несколько перекрестков их догнали и перегородили дорогу. Оставалось только выйти из машины и уладить дело по-мужски, несмотря на то, что их было трое, а противников – четверо. Но выйти они не успели; усач сунул руку за ремень, выхватил револьвер и крикнул: «Больше тебе не петь «Негритенка»!» И тут же выстрелил в упор. И тогда владелец шляпы почувствовал жжение на левой стороне груди ⁸.

– Я все еще ношу ее как память, – говорит патрон своему водителю, притрагиваясь к груди, и показывает место, куда угодила та пуля.

⁸ Немало лет назад, а точнее в 1915 году, ему и двум его друзьям – оба актеры – пришла в голову злосчастная идея отправиться в Пале-де-Глас. <...> И тогда владелец шляпы почувствовал жжение на левой стороне груди. – Такая история действительно произошла с Гарделем в 1915 г.

– И все еще поете «Негритенка», – добавляет водитель, заканчивая фразу, которую слышал столько раз.

– Да, все еще... – произносит мужчина в шляпе и снова засыпает.

Шофера зовут Антонио Сумахе. Имя мужчины, что раскинулся во всю длину заднего сиденья, прикрыв лицо фетровой шляпой, – Карлос Гардель. Водитель поглядывает в зеркало заднего вида и, убедившись, что артист наконец заснул, опускает стекло, высовывает локоть наружу и запекает полусшепотом:

Под хмельком уже, конечно,
ты по кругу, как шарманщик,
старый свой рассказ завел.
Хоть от плесени зацвел,
можно слушать его вечно,
радуясь, что цел рассказчик.
Тихо танго напеваю,
колыбель твою качаю,
спи, усни без задних ног.
Каждый раз, когда здесь еду,
отмечаю как победу,
что тогда ты выжить смог
со злосчастной раной этой.
Пусть в груди комок свинцовый,
в песне так же ты хорош.
В сотый раз, давай, поведай,
как родился ты по новой.
Свой рассказ опять начнешь,
как стрелял в тебя в упор
тот злопамятный сеньор,
да промазал, бестолковый.
Зря тебя ругал он громко,
зря мечтал упрятать в ящик;
слава Богу, цел рассказчик
и поет про негритенка.

Автомобиль преодолевает легкий подъем на проспекте Пуэйреддон и теряется за поворотом на площади Франсиа. Этот трагический угол, тот, на котором в пятнадцатом году Гардель получил свою пулю, тот самый, на котором несколько минут назад могли погибнуть все три наших героя, снова становится перекрестком судеб, словно жизни Ивонны, Молины и Гарделя, все еще не знакомых друг с другом, теперь оказались связаны незримой нитью.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Достопочтеннейшая публика! Позвольте мне воспользоваться этой малюсенькой паузой, чтобы еще раз на минутку взять слово и признаться – строго между нами, – что пройдет еще немало времени, прежде чем случай опять сведет воедино Ивонну, Молину и Гарделя. Да, господа, упорства случаю не занимать. Города, какими бы огромными они ни казались, – это на самом деле лишь крохотные муравейники. Люди думают, что знакомятся с другими людьми в какой-то день, в определенный момент, однако не бывает такого, чтобы два человека не пересекались и раньше, не заметив или, быть может, не запомнив этого. Сейчас вы все меня видите перед собой: я прохаживаюсь по этой сцене в свете прожектора, и, возможно, вы меня не помните. И все-таки, сеньор, да-да, сеньора, весьма вероятно, что мы с вами уже встречались при других обстоятельствах. Вот так-то. Дружба начинается после первого рукопожатия, любовной связи предшествует первый обмен взглядами, заключаются браки, а незнакомец вонзает кинжал в живот другого мужчины только потому, что тот как-то косо на него посмотрел. При этом возможно, что все они ехали вместе в трамвае или в лифте, сидели в одном баре или просто неоднократно сталкивались на улице. Из этих маленьких встреч и невстреч и состоит история. В нашем случае было так: за много лет до происшествия на углу проспектов Альвеар и Кальяо, едва не стоившего им жизни, Молина и Гардель уже были, так сказать, знакомы.

Раньше, чем портрет Певчего Дрозда был прилажен на зеркало заднего вида в кабине Хуана Молины, раньше даже, чем Молина начал имитировать кривую усмешку Гарделя, своего кумира, – еще тогда, когда Молина был почти что ребенком, мечтающим стать исполнителем танго, случай впервые свел его с Гарделем. Однако всему свое время. Мы еще доберемся до их первой встречи. Давайте для начала изучим обстоятельства, которые заставили Хуана Молину сделать первые шаги на его пути к танго.

Часть вторая

1

Хуан Молина родился в предместье Ла-Бока, в многоквартирном доме на улице Брандсена. Он вырос в этой маленькой Италии, смеси Калабрии, Сицилии и Неаполя, – создается впечатление, что какой-то природный катаклизм вырвал три куска земли из берегов Тирренского, Ионического и Средиземного морей, перетащил их на самую дальнюю окраину планеты и выбросил на берег самой непримечательной в мире речушки. Там Молина сделал свои первые шаги или, если выразиться точнее, исполнил свои первые мелодии. С его естественной предрасположенностью к музыке все было ясно еще до того, как мальчик появился на свет. Его мать была галисийкой⁹, воспитанной в простоте деревенской жизни, – маленькая женщина, которая пела, когда готовила, когда шила, когда пила мате¹⁰ в тенечке на дворе, и которая обхватила руками живот и запела от радости, узнав, что она беременна. И создавалось впечатление, что малыш, надежно укутанный теплом материнского чрева, выражает свою любовь к музыке с помощью пинков, которые прекращались лишь тогда, когда он снова слышал сладкие звуки мунейры¹¹. Хуан Молина научился петь раньше, чем говорить. Ему достаточно было однажды услышать песню, чтобы запомнить и слова, и мелодию и спеть ее от начала до конца, не перепутав ни строчки, не ошибившись ни в одной ноте. Когда Хуан Молина подрос, он стал первым солистом школьного хора; там, в Ла-Боке, даже анархисты ходили в церковь Святого Иоанна Евангелиста, чтобы послушать, как он поет. Увидев, какой наплыв прихожан вызывает этот мальчик, священники из церквей Санта-Фелиситас и Санта-Лусиа, что в Барракасе¹², стали пытаться заполучить его в свои хоры. Сам по себе факт проживания в Ла-Боке являлся достаточным основанием, чтобы любой мальчишка обрел склонность к исполнению танго, даже не зная в точности, что это такое – быть тангеро. Но мало того: в жизни Хуана Молины неожиданно случилось одно происшествие, которому было суждено ускорить ход событий и приобщить мальчика к этому таинственному и, что особенно важно, мужскому делу; Хуану Молине нужно было почувствовать себя мужчиной – ведь, не добившись этого титула, невозможно стать тангеро.

Наступает час, когда солнце опускается за горизонт где-то на окраинах города. Хуан Молина, с исцарапанными коленями, измазанный в грязи по уши, возвращается домой после футбольного матча длиной в целый вечер; играли на пустыре между узкоколейкой и бараками компании «Индустриаль». Он идет вдоль проволочного ограждения, увитого плющом и лесной повиликой; по ту сторону проволоки – железная дорога, и вдруг Молина слышит отчаянный женский крик. Кричат в одном из глухих переулков, который упирается в эту живую изгородь. Прежде чем повернуть за угол, мальчик останавливается и выглядывает на перекресток только краешком глаза, сам полумертвый от страха. И вот он видит, что какой-то тип с широченными плечами, которые под полосатым пиджаком кажутся еще шире, держит за руки девушку – из тех, что обычно стоят в дверях маленькой полутемной конуры, притаившейся в глубине перекрестка. Одной рукой мужчина сжимает оба запястья девушки, другой хлещет ее

⁹ *Его мать была галисийкой...* – То есть уроженкой или потомком уроженцев Галисии – автономной области на северо-западе Испании; галисийцы – это отдельный народ со своим языком, культурой и музыкой.

¹⁰ *Мате* (гж. парагвайский чай) – традиционный напиток жителей Южной Америки: измельченные листья дерева с таким же названием заваривают и пьют через трубочку. Сосуд для заварки (обычно это небольшая выдолбленная тыква) тоже называется мате.

¹¹ *Мунейра* – галисийский парный танец, сопровождающийся пением.

¹² *Барракас* – соседнее с Ла-Бокой предместье Буэнос-Айреса.

по щекам; в одну сторону – ладонью, обратно – тыльной стороной. Обездвиженной девушке не остается ничего другого кроме как кричать и плакать. Звуки пощечин эхом отдаются в закрытых жалюзи, во всеобщем безразличии и страхе, в тишине пустого переулка. Как мы увидим в дальнейшем, такие сцены Хуану Молине давно привычны. И все-таки сейчас, когда он видит незнакомца с поднятой рукой, в той же позе, в которой он так часто наблюдал собственного отца, мальчиком овладевает нечто похожее на ярость. И вот, видя, как по мостовой струится кровь, Хуан Молина с высоты своих полудетских полутора метров ощущает потребность вмешаться. Уже стемнело; из какого-то патио доносится гитарный перебор, за которым должна последовать крестьянская милонга¹³. Эти немудреные аккорды наполняют мальчика доселе неведомым ему мужеством. Он поднимает с земли зазубренный обломок черепицы, выходит из своего убежища, шагает уверенно и поет в ритме, который задает звучащая у него в груди басовая струна:

Значит, вы у нас смельчак,
первый в каждой заварухе,
раздаете оплеухи,
поднимаете кулак —
там, где рядом нет мужчины.
Вы сумели устрашить и Барракас,
и Альсину¹⁴,
нет вас доблестней и краше;
но слышал, работа ваша —
это куриц потрошить.

Можно сказать, что слова эти достигли своей цели: тип в пиджаке немедленно прекращает бить женщину, оборачивается и ищет на высоте своих глаз обладателя этого тонкого голоска, который совсем не вяжется с вызывающим тоном. Никого не увидев, мужчина опускает взгляд и наконец замечает в собственной тени, скорее на уровне пояса, чем на уровне глаз, мальчугана, потрясающего обломком черепицы. Когда Хуан Молина видит это лицо с тонким росчерком усов и грозными бровями, ему едва удастся скрыть охватившую его панику; мальчик спрашивает себя, что подвигло его на подобное безумство. Однако он уже здесь. А неподалеку играет гитара, и это придает ему храбрости, когда мужчина улыбается и отвечает Молине покровительственным тоном:

Ты, видать, струхнул немножко
и дрожит твоя рука:
от малейшего толчка
подогнутся эти ножки.
Поднимать тебя прикажешь? —
Нет, найду тебе работу:
мы свои окончим счеты,
ты шнурки мои завяжешь.

Мужчина доходит до конца строфы, сплевывает в сторону и, словно ничего и не произошло, одной рукой хватает девушку за волосы на затылке, другой наотмашь лупит ее по губам,

¹³ *Милонга* – народная песня в размере 2/4, исполняется под гитару, причем аккомпанемент в милонге играет не менее важную роль, чем слова; может служить музыкой для танца с таким же названием. Так же называется и само место, где танцуют милонгу.

¹⁴ *Альсина* – улица в центре Буэнос-Айреса.

окрашенным кровью, стекающей из разбитого носа. Если бы Хуан Молина имел возможность все обдумать, он бы этого не сделал. Но он не думает; ослепленный пережитым унижением, мальчик обхватывает бедро мужчины и тыкает в него черепицей до тех пор, пока на штанине не проступает кровь. Тип в пиджаке сгибается пополам, чтобы не вскрикнуть от боли, а потом, словно жеребец, сбрасывающий новичка-наездника, дергает ногой – да так, что мальчик отлетает на мостовую. Усатый в ярости; он отпускает женщину, которая остается стоять, дрожа всем телом, затем оборачивается, подходит к распростертому на земле Молине, осматривает раненую ногу. Кровь из ноги хлещет фонтаном. Мужчина хочет сделать вид, что ущерб, причиненный его костюму, беспокоит его больше, нежели собственные раны.

– Ты порвал мои брюки, – произносит он, словно сам не в силах в это поверить; запускает руку во внутренний карман пиджака и вытаскивает нож, все так же повторяя: – Ты порвал мои брюки.

Хуан Молина наблюдает, как этот большой мужчина подходит к нему все ближе и на ходу одним движением выкидывает из янтарной рукоятки широкое лезвие. Если бы хоть в этот раз у мальчика нашлось время подумать, он убежал бы без оглядки. Но вместо этого он крепче сжимает свою острую черепицу и потихоньку поднимается с земли. И вот они стоят лицом к лицу – если можно так выразиться в ситуации, когда один противник в полтора раза выше другого. Вот они изучают друг друга, и тут, с совершенно неожиданной стороны, Хуан Молина получает звучную оплеуху, а потом на него высыпается настоящий град беспорядочных ударов и оскорблений. Только теперь мальчик начинает понимать, что его бранит и лупцует та самая женщина, которую он пытался спасти. Из-под водопада пощечин и пинков до Молины доносятся слова, которые в негодовании поет девушка, лица которой почти не разглядеть под синяками и припухлостями:

Если ты свое здоровье
хоть немножко бережешь —
ты к нему не подойдешь,
будешь обходить с опаской.
Если вдруг зальются кровью
эти ангельские глазки —
я обиды не прощаю,
и зубами, и ногтями
я красавца защищаю.
Если бьет меня мужчина,
ты геройствовать не смей:
значит, есть на то причина.

В тот самый момент, когда эти двое уже готовы растерзать Молину, когда звон далекой гитары затихает, переулочек оглашается спасительным криком полицейского. Страж порядка приближается, целясь в мужчину, женщину и ребенка из револьвера. Хуан Молина постепенно приходит в себя; и тогда из далекого дворика слышатся крики одобрения и негромкие аплодисменты. Молину уводят с места происшествия в качестве задержанного; хоть он и понимает, что овация предназначалась не ему, а гитаристу, он не может удержаться и напоследок шепчет: «Спасибо».

Все трое оказываются в комиссариате, сидят на одной скамье в ожидании, когда старший офицер вызовет их для дачи показаний. Первым идет мужчина; нога его все еще кровоточит. Когда Молина остается наедине с его подружкой, их взгляды встречаются и какое-то время мальчик и женщина изучают друг друга. И тогда Молине кажется, что он различает в ее глазах скрытое и мимолетное выражение благодарности, а также покорности судьбе. Только теперь

Хуан Молина осознает, что эта женщина, обезображенная побоями, спасла ему жизнь, что если бы она не вклинилась между ним и тем типом и не разыграла из себя влюбленную рабыню, то ее «ангелочек» изрубил бы его в капусту. И, глядя на свою соседку, которая пытается не опускать век, несмотря на распухшие скулы, Хуан Молина чувствует бесконечную жалость и благодарность, которую не выразить никакими словами.

2

После того дня Хуан Молина понял, что церковный хор – это пограничный рубеж, препятствие, которое не дает ему отправиться на поиски своей судьбы тангеро. Церковные песнопения начали нагонять на него скуку и нестерпимую сонливость. Молине еле-еле удавалось держать глаза открытыми во время исполнения псалмов и Аве-Марий, рождественских вильянсико¹⁵ и литургических славословий. Только посмотрите, как он стоит, безвольно опустив руки, безразличный к проповеди, дожидаясь, когда подойдет его очередь петь. Именно сегодня с Молиной случится еще одно странное происшествие, которое окончательно убедит его, что его призвание – танго. Юный певчий дожидается, пока священник прочитает «Отче наш», и тут – быть может, со скуки – ему начинает грезиться, что священник просто мямлит, как будто бы слова молитвы в один миг вылетели у него из головы:

– Отче наш, сущий на... – бормочет он.

Прихожане начинают переглядываться.

– Отче наш... – делает священник вторую попытку, все так же безуспешно.

И тогда неожиданно святой отец с ловкостью танцовщика спрыгивает с амвона. Луч прожектора следит за ним. Раскинув руки и улыбаясь половиной рта, священник вышагивает взад-вперед перед хором, все время оставаясь в центре светового пятна. С видом задиристым и залихватским он одергивает свой епитрахиль и начинает:

Отче наш, сущий по кабаре,
да святится улыбка твоя на заре,
да придет ко всем нам муза,
да будет воля твоя и музыка
как на севере, так и на юге,
танго наше насущное дай нам на сей день,
ибо завтра... ибо завтра...
кто знает...

А теперь луч прожектора падает на меня. Дамы и кабальеро, наступила моя очередь петь; проявите снисхождение к вашему покорному слуге, уже немолодому рассказчику, который пытается соответствовать общему хору, хотя и не отмечен исключительным певческим дарованием – это самая вежливая оценка моих способностей. Позвольте мне, сеньоры, спеть о том, что предстало изумленному взору Молины:

Неожиданно для всех
тишина сменилась звоном;
вместо проповеди – гомон,
вместо постной мины – смех.
Кто играет на органе,
на две четверти притом?
И под этот ритм гуртом
в пляс пустились прихожане.

Святой отец воздел руку к сводчатому потолку церкви, и, словно повинуюсь этому немому приказанию, орган сам собой начинает выдувать мелодию милонги, которую я пою. И тогда я

¹⁵ Вильянсико – народная рождественская песня, в Латинскую Америку этот жанр пришел из Испании.

подношу блестящий хромированный микрофон к месту, где стоят дети, и они начинают подпевать мне своими ангельскими голосками:

И по вкусу
Иисусу
развеселый этот ритм:
бородой с креста качает,
всех улыбкою дарит,
и ликует вся капелла.
Что Гардель и что Ле Пера ¹⁶ —
сам священник наш смягчает,
даром что ходил суровый,
славной Матушке Христовой
по-соседски он кивает;
подоткнул свою сутану,
а она – свой плащ холщовый:
что ж, пляши, я не отстану,
для тебя стараться рада,
вот восьмерка, вот кебрада¹⁷.
Докторше в исповедальне
страсти пламенной историю
раскрывает дон Виторио —
у него киоск журнальный.
Распевая в общем хоре, я
вдруг заметил: под шумок
вот старушка
тащит кружку
с подаванием церковным
и движением любовным
все сгребает в кошелек.
И по вкусу
Иисусу
слушать музыку простую;
бородой с креста качает,
с одобрением взирает
на милонгу пресвятую.

Когда орган замолкает, гаснут и лучи, которые падали из абсид. На какой-то момент все погружается в полумрак, воцаряется тишина. Хуан Молина, стоя на своем месте в хоре, протирает глаза, а когда открывает их снова, то видит, что священник стоит на своем пьедестале, благочестиво сложив руки на пузе, и пережевывает свое всегдашнее «Отче наш». Мальчик вертит головой по сторонам, пытаясь обнаружить в этом обиталище святости следы присутствия рассказчика – то есть меня, однако, пока менялся свет, я уже испарился, выскользнул

¹⁶ *Ле Пера*, Альфредо (1900–1935) – поэт и киносценарист, сочинивший тексты самых известных танго из репертуара Гарделя.

¹⁷ *...вот восьмерка, вот кебрада.* – Фигуры, характерные как для танго, так и для милонги. Когда выполняется восьмерка, мужчина стоит неподвижно, а женщина волнообразно качает бедрами; рисунок ее шагов при этом тоже напоминает восьмерку. При кебраде тела танцующих резко выгибаются, как будто переламываются (отсюда и название).

через заднюю дверь, да так, что никто этого и не заметил. Остались только прихожане, преклонившие колени на свои скамеечки, бормочущие слова молитвы.

Именно в тот день, будучи еще только мальчуганом в коротких штанишках, Хуан Молина решил, что его делом должно стать танго. Не просто песни – их он уже знал и так, – но Танго с большой буквы. Эта вселенная, созданная для настоящих мужчин. Тут недостаточно было иметь хороший голос. Недостаточно было даже петь. Танго являлось способом противопоставить себя существующему миропорядку, возможностью встать лицом к лицу с жизнью, а еще особой манерой одеваться, разговаривать, курить и даже ходить. Чтобы танцевать танго, не нужно было обладать атлетичным или даже стройным телом; на самом деле, самый прославленный танцор южных кварталов, Табано Флорес, был похож на тапира, весил сто двадцать килограммов и разменял уже свой шестой десяток, и все-таки даже первому танцовщику из труппы театра «Колон»¹⁸ не удалось бы повторить его мастерские корте¹⁹, восьмерки и кебрады. В отличие от радостной музыки итальянцев, населявших юг Ла-Боки, чьи песни передавались из уст в уста, исполнялись под открытым небом и напевались стариками, женщинами и детьми; в отличие от цыганского фламенко, которое создавал срывающийся от страдания голос и виртуозные переборы гитаристов, чье мастерство передавалось от отца к сыну, – танго являлось не семейным достоянием, а как раз наоборот – запретным плодом, загадкой, которая пряталась по кабачкам, Библией, слову которой поклонялись в притонах, в кабаре, в домах свиданий. А еще у танго был свой понтифик, Святой Отец с кривой усмешкой и в сдвинутой набекрень шляпе с узкими полями. Но в самую первую очередь танго дарило надежду отыскать ответ на вопрос, проникнуть в тайну, которую представляли собой женщины. По крайней мере, так казалось Молине. Бесспорно было одно: танго – это особый мир, оставлявший за собой «право на допуск и присутствие», как писали на плакатах при входе на милонгу; мир, к которому, само собой, не имели доступа те, кто приговорен к ношению коротких штанишек. Этот день навсегда утвердил Молину в мысли, которая зародилась в его сердце еще раньше, в тот вечер, когда он чуть было не погиб, выступив на защиту женщины: его голос не создан для церковного хора.

¹⁸ Театр «Колон» – национальный оперный театр Аргентины, крупнейшая оперная сцена Южной Америки. Театр был открыт в 1908 г. спектаклем «Аида».

¹⁹ Корте – необязательное добавочное движение в танго (например, церемонное приглашение дамы на танец); позволяет танцорам проявить свое мастерство и галантность.

3

Отец Молины, немногословный креол, сработанный из очень грубой древесины, явился домой под утро, пьяный и, поди знай почему, разъяренный. Никакой причины – если не считать силы привычки – у него не было, однако, войдя в свою единственную комнату, в которой жила вся семья, он снял с пояса ремень и, размахивая им точно кнутом, обрушил не менее двадцати ударов на неокрепшую спину своего сына. Слыша бессильный плач своей матери – она знала, что если вмешается, будет только хуже, – и своей младшей сестренки, Хуан попытался сохранить достоинство и не разреветься. Однако не смог. Когда отец решил, что дух мальчика достаточно усмирен, он отпустил его, снова застегнул ремень, повалился на кровать и захрапел. Когда мужчина проснулся, он, как обычно, ничего не помнил. Поскольку вина была заглажена похмельем, все должно было вернуться на круги своя, словно ничего и не случилось. Однако Хуана Молины на прежнем месте уже не оказалось. Задолго до пробуждения отца он спешно оделся и, не сказав ни слова, вышел на улицу и зашагал в направлении реки. Бродя без всякой цели, опустив голову, засунув руки в карманы, ощущая жгучую боль от побоев, Молина напевал сквозь зубы. Хуан Молина пел всегда. Когда на душе у него было спокойно и легко, он мурлыкал милонги или итальянские *canzonettas*¹¹, которые слышал от калабрийцев и неаполитанцев, но смысла которых не понимал; когда же, напротив, мальчик тосковал, он тихонько напевал танго Контурси²⁰ или Ваккарецы²¹. Молина был способен мыслить и обретать свое место в мире только при помощи музыки. Сам того не замечая, он всегда выбирал такие песни, которые описывали его душевное состояние. Вот и теперь, проходя с юга на север под арками бульвара Колон, Молина напевает «Старую арку», причем никак не связывает эти два обстоятельства. Молина шагает медленно, без всякой цели, с отсутствующим взглядом, размышляет о своей матери, вынужденной сносить ярость отца, и незаметно для себя насвистывает «Мать моя, бедняжка»; штаны у Молины короткие, шаги длинные, он спускается по Бульвару де Хулио, всецело поглощенный своими непростыми раздумьями и болью в иссеченной до мяса спине; всякий раз, поравнявшись с дверью какого-нибудь ночного притона, которые в свете дня выглядят не менее тоскливо, чем застигнутый рассветом пьянчуга, Молина останавливается, притворившись, что у него развязался шнурок, и краем глаза косится на вход, словно пытается разглядеть в этой полутьме, в помятых лицах моряков, в глазах женщин, облокотившихся на стойку бара, особые знаки, которые оставило танго прошедшей ночи. Добравшись до площади Независимости, он поворачивает в сторону улицы Балкарсе, пересекает площадь по диагонали и, не обращая внимания, куда несут его ноги, по Авенида-де-Майо доходит до здания Конгресса. Здесь у города совсем иной облик: взгляду Молины открывается великолепие кафе «Тортони», освещенного лучами солнца, которые падают сквозь застекленную крышу и придают всему зданию вид собора. Обитатели этих кварталов встречают утро беззаботно, сидя за мраморными столиками, перебрасываясь фразами, каждой из которых предшествует обязательное «знаете ли, доктор», а курение сигарет марки «BIS», скатанных вручную и набитых турецким табаком, позволяет им чувствовать себя настоящими султанами. И вот, глядя на эти блестящие туфли, на эти костюмы из кашемира, на эти шелковые рубашки, Хуан Молина не может удержаться и невольно сопоставляет их со своими разбитыми ботинками, с постыдными шерстяными штанишками до колен, со своим свитером, рукава которого Молине уже коротковаты. Неожиданно у него возникает желание вернуться в свой квартал, но стоит мальчику

²⁰ *Контурси*, Паскуаль (1888–1932) – поэт и драматург; самые известные его произведения – танго «Ночь моей печали» и «Кумпарсита».

²¹ *Ваккареца*, Альберто (1886–1959) – поэт и драматург, обогативший аргентинскую литературу жанром одноактной комедии, а музыку – стихами для многих танго.

подумать об отце, который теперь ищет его на улицах Ла-Боки, как пропадает всякая охота возвращаться. Молина отправляется дальше, мимо «Тортони», напевая про себя «Пай-мальчика».

Если ты обращаешься к людям на «вы»,
если куришь английский табак
и гуляешь ты по Саранди,
под Родольфо пострижен²², пригладил вихры,
ты считаешь – ты клевый чувак;
если галстук твой ярко-пунцов,
если славу снискал в «Шантеклере»
как заправский танцор,
если каждый твой жест – это знак,
что в себе ты уверен,
знаешь, парень, ты просто дурак.

Внезапно, так и не успев допеть песню до конца, Молина теряет дар речи. Оказывается, он очутился на улице Флорида, прямо перед дворцом своей мечты – магазином «Макс Глюксман». Он восхищенно созерцает рояль «Стейнвей», установленный посреди зала, – словно бы это и есть центр Солнечной системы. Вокруг рояля, подвешенные на невидимых нитях, парят контрабасы, скрипки, кларнеты и прочие инструменты, о существовании которых Молина до сего момента даже не подозревал. Он входит внутрь, словно под воздействием силы притяжения, управляющей этой вселенной объектов из драгоценного дерева и полированной бронзы. Мальчик ступает осторожно, опасаясь, что стоит ему сделать неверное движение, и разразится Апокалипсис; внезапно он замирает на месте, различив нечто на самой отдаленной окраине этого мира. И тогда все английские фортепиано, немецкие скрипки и итальянские виолончели перестают существовать. Всеми покинутая, словно потухшая звезда, в дальнем углу одиноко висит простая креольская гитара. В ней нет ничего особенного. Можно даже сказать, она здесь выделяется своей безыскусной простотой. Хуан Молина подходит ближе, вытягивает указательный палец, однако дотронуться не осмеливается. За спиной мальчика раздается голос:

– Чем могу вам служить?

Молина не сразу осознает, что обращаются к нему. Он оборачивается через плечо и видит рядом с собой продавца, настолько любезного, что это кажется подозрительным. Никогда в жизни с ним не разговаривали так почтительно. Молина не знает, что ответить.

– Возможно, молодому человеку угодно ее попробовать, – предлагает продавец, уже держа гитару за гриф и ловко вертя ее вокруг своей оси пальцами одной руки. И, прежде чем мальчику удастся произнести хоть слово, добавляет:

– Эта гитара продается со скидкой.

Хуан Молина сомневается, что содержимого его карманов хватит, чтобы расплатиться, даже со скидкой: сморщенная сигарета, моток шерстяной нитки, несколько табачных соринки и, самое ценное, пустая револьверная гильза, которую он носит в качестве амулета. Однако отказаться от приглашения Молина не в силах. Может статься, это его единственный шанс подержать в руках гитару. Он робко принимает инструмент, садится на табурет, устраивает гитару на бедре и с нежностью гладит корпус. Мальчик дергает шестую струну и прижимается ухом к гитарной деке, как будто проверяет отзывчивость корпуса, хотя на самом деле это

²² ...под Родольфо пострижен... – Имеется в виду американский киноактер итальянского происхождения Родольфо (Рудольф) Валентине (1895–1926). Танго, которое он станцевал в фильме «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921), считается важной вехой в истории распространения «тангомании» по всему миру.

лишь повод ее обнять. Он цепляется за гитару, словно желая, чтобы их соединение никогда не кончилось. Даже в этот момент Молина все еще уверен, что между пением и гитарой существует естественная связь. Он снова дергает струну и только теперь обнаруживает, что не умеет играть. Мальчик изо всех сил стискивает гитару в объятиях, прижавшись лицом к лакированному изгибу – на сей раз, чтобы скрыть глухое рыдание. Он не умеет извлекать из нее звуки и не может оставить ее у себя, чтобы со временем проникнуть в тайны ее женского естества.

И в такой вот позе, пряча лицо в изогнутом теле гитары, Молина заводит безутешное танго:

Если б мог я понять твои чувства,
мог аккорды к тебе подобрать —
только где ж обучусь я
непростому искусству,
лаская, играть...

Вот обнял я изысканный стан
милонгеры ²³ прекрасной,
предо мной вся твоя красота,
я гляжу на тебя и не знаю, как быть, —
лишь просить понапрасну,
неумеху, меня полюбить.

Недостойно мужчины рыдать
на плече у подруги любимой,
но поступок прости мой:
я не знаю, как мастером стать,
но пойми наконец:
я еще желторотый птенец,
что пока не умеет летать.

Не отказывай мне —
не снести мне такого удара,
подожди и увидишь, гитара:
в целом мире мне равного нет,
мы с тобою прекрасная пара.

Я не знаю, гитара, когда,
каким образом – я не отвечу,
но поверь: дело стоит труда,
обещаю, мы будем вдвоем,
мы прекрасно друг друга пойдем.
В час, когда зажигаются свечи,
ты ответишь мне «да».

Продавец, не имеющий представления о немых терзаниях юного покупателя, продолжает уговаривать:

²³ *Милонгера* – исполнительница милонги.

– Мы также даем товары в кредит под одну только подпись: вы забираете ее сегодня, а оплачивать начинаете в следующем месяце.

И тогда Хуан Молина медленно поднимает лицо от гитары, вытирает глаза рукавом свитера, встает с табурета, не выпуская инструмента из рук, и, мысленно измерив расстояние, отделяющее его от двери, изучив препятствия на своем пути, произносит шепотом:

– Хорошо, я ее забираю.

Фраза еще не закончена, а мальчик, перехватив гитару под мышку, бросается наутек. Сперва он увертывается от продавца, который преграждает ему путь, раскинув руки, потом перепрыгивает через сверкающий бандонеон на низенькой тумбе, огибает огромный рояль и в конце концов добегают до двери, которая все это время оставалась полуприкрытой. Мальчик проталкивается сквозь толпу, слыша за спиной отчаянные вопли продавца. Людской поток, наводнивший улицу Флорида, оказывает ему добрую услугу: малый рост и природная верткость помогают Молине, как зайцу в чаще, пробираться между прохожими. Мальчишка уже почти добрался до угла улицы Виамонте, когда, откуда ни возьмись, прямо перед ним вырастает фигура полицейского. За долю секунды Молина успевает вообразить себе Центральный комиссариат, видит позор и гнев своего отца, которому придется признать перед комиссаром, что его сын – воришка, слышит рыдания матери, комментарии соседей и, разумеется, чувствует спиной удары отцовского ремня. Именно в этот момент рука полицейского хватается Молину за запястье. Но мальчик не намерен сдаваться без боя. Он еще крепче хватается за гитару, словно за последнюю истину в этом мире, раскрывает рот как можно шире – и кусает. Кусает и тянет полицейского за мизинец с убежденностью сторожевой собаки. Неожиданно, не понимая как и почему, Молина оказывается на свободе и снова бежит; слегка снижает скорость, чтобы удостовериться, что палец преследователя не остался у него во рту, и продолжает бег. В изнеможении останавливается на улице Коррьентес и замечает, что больше за ним никто не гонится. Однако гитара – это слишком очевидный трофей, выдающий его с головой, как тюремная роба. В ушах Молины громяют зловещие фразы, каждая буква величиной с дом: «Ограбление, неподчинение, нападение на представителя власти». Он уже видит себя дробящим камни в далекой Ушуайе²⁴ и в то же время напевает про себя «Каталажку»:

Как много лет взяла ты, каталажка,
но к счастью... иль к несчастью —
вышел я на волю в срок,
по улицам я бегал, как дворняжка,
в очередях стоял за супом, как бродяжка,
моей постелью был всегда чужой порог.

Полицейский, скорее всего, уже написал рапорт, и меня, несомненно, уже разыскивают, думает Молина. Первое, что нужно сделать, – это спрятать гитару в такое место, откуда ее потом можно будет вызволить. Молина вертит головой по сторонам и в конце концов замечает дощатый забор вдоль улицы Суипача, ограждающий, наверное, какой-нибудь пустырь. И вот мальчик уверенно направляется к забору, убеждается, что никто за ним не наблюдает, заглядывает в щель между досками и видит гору песка. Молина отступает на шаг, примеривается и швыряет гитару с таким расчетом, чтобы она опустилась поближе к вершине. Снова припадает к щели и с облегчением вздыхает, увидев, что гитара легла горизонтально, на правильное место, и совсем не повредилась. Тогда злоумышленник разбегается, прыгает, цепляется за край забора, еще два расчетливых движения – и он уже по ту сторону.

²⁴ Ушуайя – самый южный город в мире, находится на архипелаге Огненная Земля.

Мальчик ищет место, которое могло бы послужить тайником, так чтобы гитара оставалась в безопасности. В глубине пустыря штабелем сложены металлические листы. Молина приподнимает один из них, подкладывает под низ несколько кирпичей и скрывает вещественное доказательство своего преступления в этом убежище. Назад он возвращается той же дорогой; вот он снова на улице, насвистывает, не глядя на прохожих, ставших свидетелями его спуска с вершины.

Наступила ночь. Хуан Молина столкнулся с дилеммой, которую был не в силах разрешить: каждый проходящий час становился еще одной вязанкой дров в костре его будущих мучений, однако мысль о возвращении приводила мальчика в ужас. Итак, он знал, что чем дольше он откладывает неизбежное решение, тем более суровыми окажутся последствия. Должно быть, в его доме теперь творился сущий ад. Стоило Молине вообразить себе вопли отца, немые слезы матери, испуганный плач его младшей сестренки, ему хотелось только одного: пускай асфальт под ним разверзнется. Очень заманчивой казалась идея вообще не возвращаться. Но Молина слишком живо представил отчаяние своей матери, терзаемой самыми мрачными предположениями. С другой стороны, мальчику просто некуда было пойти, и с этим приходилось считаться. Он провел весь день на ногах, не проглотив ни крошки. В желудке было пусто, кишки стучали друг о друга – главным образом не от голода, а от страха. Молина все наматывал круги. Раз за разом, словно лошадь, которая не хочет удаляться от знакомого места, мальчик возвращался на Коррьентес. Но теперь, свернув за угол с улицы Эсмеральда, он впервые видит ночную Коррьентес. Изумлению его нет предела. Хуан Молина смотрит на сверкающие огни города, как будто армия реквизиторов специально потрудились над этими декорациями. Оркестры еще не начали играть, но танго уже здесь. В витринах кабаре, которые состязаются между собой в блеске, в американских автомобилях, из недр которых выпархивают женщины в сетчатых чулках, в обнаженных женских икрах, в мундштуках необыкновенной длины, вырастающих из накрашенных губ, в костюмах «пай-мальчиков», что выходят поохотиться на «плохих девочек», в «пай-девочках», краснеющих под плотоядными взглядами, в хлопках пробок от «Кордон Руж» или «Клико», в пузырьках, наполненных таинственным белым порошком, которым торгуют на углу, в этом аромате табака и шампанского, смешанном с ветром, который, кажется, выдувают мехи бандонеона, в каждой плитке на Коррьентес – во всем этом ощущается незримое присутствие танго. С невеликой высоты своего роста, которая еще больше скрадывается за счет грандиозности пейзажа, Молина теперь напевает строфы из песни «Коррьентес и Эсмеральда»:

Однажды два красавчика пришли на этот угол
да повстречали третьего на свою беду:
вот два удара – и легли красавцы друг за другом,
а было это в девятьсот втором году.

Столичный угол! Запах твой, какого нет острее:
здесь водка тростниковая, шампанское и джин,
здесь танец, поножовщина, любовь и лотерея,
хмельная граппа ²⁵ и безумный кокаин.

Стоя столбом на углу, Хуан Молина бормочет эти строки – таким образом протестуя против сознания своей ничтожности в этом мире, для него необъятном, не соглашаясь с тем, что его удел – оставаться незамеченным.

²⁵ *Граппа* – виноградная водка.

Здесь «Академия» поет на пару с «Одеоном»,
такие танго выдают – зачем «Рояль-Пигаль»?
Отсюда в пригород бежит трамвай с трескучим звоном,
здесь хочется играть ва-банк и прятаться в печаль.

От Эсмеральды к северу, у самого Ретиро
француженки-красотки гуляют взад-вперед:
им нужен тот, кто сможет дать и денег, и полмира,
но тот, кто не понравится, домой один пойдет.

Здесь, если верить Линнигу, креолка Милонгита ²⁶,
с убогим узелком своим спешившая домой,
увидев, полюбила красавчика-бандита,
и для обоих встреча оказалась роковой...

Быть может, из-за странного несоответствия между ангельским голоском певца и залихватскими словами песни или же просто благодаря его воле к жизни посреди этого мира, за место в котором надо бороться, – только вокруг Хуана Молины начинают собираться слушатели. Постепенно неорганизованная толпа разбивается на две равные группы, одна напротив другой: с одной стороны мужчины, с другой – женщины; «пай-мальчики» одновременно подают знак «плохим девчонкам», и вот уже все закрутились вокруг маленького певца в разухабистом танце:

Сам Карлос де ла Пуа ²⁷ тебя прославил в песне,
и Контурси покойный бывал здесь каждый день...
Девчонки с этого угла мечтают о чудесном:
что, например, сегодня им встретится Гардель.

Столичный угол, пред тобой – еще один тангеро,
он рад тебя приветствовать, любовь его крепка,
он даст тебе свой звучный стих, особую манеру
и в новом танго обессмертит на века.

В ту самую минуту, когда Хуан Молина заканчивает свою песню, в нескольких метрах от угла собирается другая толпа; Молине на мгновение представляется, что эти люди тоже пришли его послушать. Но уже в следующее мгновение мальчик видит, что импровизированный ансамбль танцоров распался и все бегут, чуть ли не перепрыгивая через его крохотную фигурку. Потом слышатся вопли, визг тормозов, люди вокруг всё ускоряют шаги, все стремятся подобраться поближе к дверям «Рояль-Пигаль». Поддавшись всеобщему порыву, мальчик оказывается в центре этого людского циклона. А когда Молина поднимает глаза, ему кажется, что он грезит наяву: в шаге от него, улыбаясь и раскланиваясь, пожимая руки и отвечая на приветствия, стоит Карлос Гардель. Точно паломник, которому после долгих недель путешествия открывается Мекка, Хуан Молина, как зачарованный, протягивает руку. Гардель отвечает тем же, притягивает мальчика к себе и ласково треплет по макушке. Об этой встрече Молина ничего больше не запомнит. Он не заметит, в какой момент рассеялась толпа. Не будет

²⁶ *Милонгита* – заглавная героиня танго Самуэля Линнига на музыку Энрике Дельфино (1920), чья судьба (бедная девушка, ставшая проституткой в кабаре) во многом напоминает судьбу Ивонны.

²⁷ *Карлос де ла Пуа* – автор многочисленных текстов танго, «среди поэтов – самый лучший знаток алкогольной культуры ночных баров на улице Коррьентес» (Росана Гутьеррес).

знать, сколько прошло времени, прежде чем он осознал, что стоит один-одинешенек перед входом в кабаре. И тогда, отбросив все колебания, Молина отправляется на пустырь, достает из тайника гитару и решает вернуться домой – не важно, что там его ожидает.

Хуан Молина стоически перенес карательные акции, которым подверг его отец. Ему теперь предстояло подновить следы утренней порки ночными побоями.

Мальчик задрал рубашку и, не оказывая сопротивления, позволил привести приговор в исполнение. Он не проронил ни слезинки во все то время, пока отцовский ремень яростно хлестал его открытые раны, ни разу не пожаловался. Ничто не могло разубедить его в верности принятого решения. Молине следовало всего лишь запастись терпением и ждать наступления великого дня.

Со времен этой первой встречи прошло много лет, а во вторую встречу автомобиль Гарделя чуть было не врезался в грузовик Молины. Однако, как я уже говорил, судьба бывает очень настойчива, и она снова сведет их вместе, как это происходит в трагедиях.

4

Если бы кто-нибудь сказал Хуану Молине, что он уже встречался с девушкой, которая едва не погибла под колесами его грузовика, молодой человек не поверил бы этому. Не то чтобы такое казалось ему невозможным – просто Молина был готов поклясться, что, однажды увидев эту девушку, он уже никогда ее не забудет. И все-таки наша память бывает очень капризна. Возможно, пережитый испуг способствовал тому, что после того дня Молина все время вспоминал синеву этого печального отсутствующего взгляда, эту тоненькую фигурку и эти длинные ноги, которые так дрожали, что девушка едва могла стоять.

И все-таки, хотя никто из двоих об этом не помнил, Ивонна и Молина уже видели друг друга – но про это речь впереди.

Почти никто не был посвящен в самую сокровенную тайну Ивонны. Она зарабатывала на жизнь в качестве французской проститутки, говорила как француженка и одевалась в точности так же, как одеваются француженки. Но Ивонна была не француженкой, а полькой. При этом было очень трудно поверить, что она – не уроженка Парижа, как следовало из собственных слов девушки. Вообще-то звали ее Марженка, и была она родом из-под Деблина²⁸. За много лет до того, как превратиться в Ивонну, эта радостная приветливая девчушка пела ангельским голоском и наигрывала на фортепьяно веселые песенки своей страны. Больше всего на свете ей хотелось подняться на подмостки варшавских театров. Девушка пошла наперекор желаниям своих родителей, никогда в жизни не бывавших по ту сторону Вислы, и однажды сообщила им, что приняла твердое решение: она уезжает в столицу. В Варшаве она поступила в труппу псевдококоток из ночного клуба; именно там, напевая игривые песенки, эта провинциалка выучилась своим первым французским словам. Ей не хватило совсем чуть-чуть, чтобы стать солисткой: в тот самый день, когда директор труппы собирался порадовать юную певичку этим известием, в ее жизнь вошел незнакомый мужчина. Это был француз, настоящий француз из Франции, звался он месье Андре Сеген, и он тут же сунул девушке под нос контракт, отказаться от которого было невозможно. Как и множество других молодых женщин до нее, не успевших повидать ничего, кроме малоутешительного зрелища своего родного края, вечно пребывающего в запустении, наша героиня была очарована обещаниями «художественного представителя» и решила, что перед ней распахнулись двери земного рая. Ее юные глаза заблестели от восторга, когда перед ней оказался контракт, по которому молодой артистке предоставлялась возможность сделать карьеру в далеком южноамериканском Париже. Слепленная своим счастьем, девушка даже не могла прочесть этот текст, который был составлен на недоступном ей языке и которому предстояло превратиться в ее приговор.

Но стоило нашей юной польке спуститься с корабля и ступить на землю Буэнос-Айреса, как она поняла, что не все получается так гладко. Вместе с целой группой испуганных женщин ее отвезли в заштатный пансион в квартале Сан-Кристоваль – хибару намного более жалкую, чем ее деблинский дом. У девушки отобрали документы и заточили в пансионе – причем даже не ясно, на какой срок, – под бдительным присмотром устрашающего вида мадам, своими повадками больше всего напоминавшей быка. Ни одна из ее соседок по комнате не понимала ее. Как оказалось, все они говорили на разных языках. На профессиональном жаргоне такое заточение именовалось «период укрощения», и этот период выполнял вполне определенную задачу: когда девушки находятся в заключении, конца которому не предвидится, – под предлогом того, что их представитель, Андре Сеген, все еще добывает для них вид на жительство, отсутствие которого грозит им тюрьмой, – любое другое положение, любое другое место начнет им казаться более счастливым выбором. Когда месье Сеген приходил к выводу, что его

²⁸ Деблин – город в ста километрах к югу от Варшавы.

пленницы уже достаточно усмирены – во-первых, разлукой с родиной, во-вторых, жизнью в заточении, – он лично являлся в их убогое обиталище, делая вид, что продолжает хлопотать за артисток перед властями. Француз давал понять, что великий день уже близок, и, чтобы убедить в этом пленниц, улыбался во весь рот, бросал на одну из кроватей огромный чемодан, медленно раскрывал его, возбуждая всеобщее любопытство, и наконец выставлял напоказ его роскошное содержимое. Упиваясь восторженными взглядами девушек, месье Сеген начал раздачу одежды и аксессуаров: шелковых платьев модели «Чарльстон», ожерелий из жемчуга, казавшегося настоящим, блестящих туфель на каблуках, шляпок с бархатной подкладкой и браслетов с бриллиантами необычайной величины. И тогда пленницам казалось, что все их муки ожидания и заточения вознаграждаются с неслыханной щедростью, а обещания, как будто бы уже обреченные забвению, снова обретали силу. После чего Андре опять исчезал, словно новоявленный Мессия, оставляя девушек, почувствовавших себя настоящими артистками, предаваться своим мечтаниям. День за днем наша юная полька была вынуждена питаться мерзкой похлебкой, ютиться в облупленной комнатенке, но при этом, как ни странно, одевалась она по-королевски. Облаченная в шелка и летучие вуали, украшенная немислимыми драгоценностями, она глодала какие-то кости, стремясь добраться до сердцевины. Заточение продолжалось еще какое-то время, а потом наконец-то настал долгожданный момент: впервые за несколько недель девушки видели солнечный свет. А происходило это так: пленниц разделяли на группы по несколько человек и увозили в роскошном авто, за рулем которого восседал шофер в ливрее. Всех доставляли в «Рояль-Пигаль». Когда девушка из-под Деблина впервые увидела это кабаре, ей пришлось сдерживать слезы волнения: долгожданная мечта начинала принимать зримые очертания. Девушка смотрела на сцену и воображала себя сидящей за фортепиано. Она разглядывала драпировку и ковры, роскошную мебель, бутылки французского шампанского, которое лилось здесь рекой, переводила взгляд на оркестровую ложу, и в горле ее собирался комок. Однако, конечно же, все это будет не сейчас, ее время еще не пришло, но скоро, скоро, – уверял Андре. Сначала следовало попрактиковаться в языке, получше узнать город и, главное, пообтереться, познакомиться с людьми. Администратор заметил в этой польской девушке с длинными ногами и тонкой талией, в ее синих глазах и стройной фигурке, в ее желании славы и стремлении к роскоши большой потенциал, отличавший ее от других. Для начала Андре немного поработал над ее манерами: как нужно садиться, как брать бокал с шампанским, как держать сигарету, как смотреть на будущих собеседников, с кем стоит разговаривать, а с кем нет. Для песен время еще не наступило, она пока что слишком молода, сначала нужно изучить все секреты, которые облегчат ей подъем на каждую из ступенек длинной лестницы, ведущей к успеху. Андре всегда говорил с девушкой по-испански, размеренно и спокойно, перемежая свою речь жестами и щедро уснащая ее французскими словечками. Месье Сеген приказал ученице забыть о своем прежнем имени и о своей малоизвестной национальности; с этого момента она получает имя Ивонна, а родиной ее будет самый что ни на есть Париж. Девушка ни в коем случае не должна признаваться, что она полька, ведь самые популярные певицы – француженки, так говорил ей Андре. Поначалу девушка только растерянно моргала глазами: она не понимала ничего, кроме жестов. Но постепенно она стала улавливать какой-то смысл в пространных рассуждениях француза. Потом научилась произносить отдельные слова, еще через какое-то время – выстраивать фразы. «Времени для песен у нас впереди навалом», – говорил месье Сеген.

«Рояль-Пигаль» являлся всего-навсего одной из жемчужин в отвратительном ожерелье нелегальной проституции, нити которого тянулись из центра, располагавшегося в Марселе, к Варшаве, Парижу, Лиону и по другую сторону Атлантики – к Рио-де-Жанейро, Сантьяго-де-Чили и Буэнос-Айресу. Филиал, базировавшийся в Ла-Плате, занимался поставкой так называемых артисток – хористок, танцовщиц и певичек – в самые разные столичные кабаре. Превращать в проституток молоденьких девушек, приезжающих из Европы, – это было дело дорого-

стоящее и кропотливое. Искуснейшими мастерами в этом ремесле считались братья Ломбард, люди весьма уважаемые в кругах политиков и бизнесменов. Эти четверо братьев родились на Корсике, а площадками для работы им служили и Марсель, и Буэнос-Айрес. Их уважаемая контора «Ломбард-тур» на деле была связана узами взаимовыгодного сотрудничества с Шарлем Сегеном, который владел и «Рояль-Пигаль», и театром «Казино-Опера», и «Эсмеральдой», и Японским парком, и «Пале-де-Глас», и легендарным «Арменонвиллем». В обязанности его брата Андре входило управление всеми этими заведениями, а также «наем» персонала, «предоставляемого» агентством «Ломбард-тур».

– Чтобы стать певицей, времени у тебя навалом, – говорил Андре Ивонне, не отводя глаз от впадинки между ее девичьих грудей. – Торопиться абсолютно некуда, – уверял он, шаря глазами по ее длинным, стройным ногам.

Помимо всего прочего, Ивонне сначала предстояло научиться танцевать танго.

Раз в неделю Андре Сеген навещает в пансионе своих девушек. Сегодня он смотрит на них, по-отечески улыбаясь, собирает всех вокруг себя и, не выходя из роли великодушного покровителя, одаривает всех новыми платьями, заставляет своих подопечных обняться попарно и начинает первый танцевальный урок. Андре отбивает ритм, побуждая учениц двигаться в такт, а сам напевает танго, которое выдумает тут же, на ходу:

Говорят, что нет древнее,
чем у шлюхи, ремесла, —
в этом я не вижу зла,
но вопрос задам тебе я:
коль не будет сутенера,
с кем бы в долю ты вошла?
Что древней, в конце концов, —
курочка или яйцо?
Не хочу вдаваться в споры,
но куда б ты побрела,
не найдя во мне опоры?

Андре Сеген с удовольствием наблюдает, как сплетаются тела его учениц, как партнерши обвивают друг друга ногами, как стройные икры скользят по обнажившейся поверхности бедер, и продолжает напевать:

Дамы, господа, простите —
я от спора отвлекусь
и представлюсь для начала:
я Андре Сеген зовусь,
бедных женщин покровитель;
здесь среди профессионалов
я единственный француз.

На Риачуэло с Сены
я попал и знаю цену
своему происхождению:
дома, если откровенно,
я особо не блистал,
но под этим небом стал

франтом по определенью.

Андре Сегену нравится примерять на себя роль неудачника; напевая эту песню, исполненный жалостью к самому себе, он заставляет своих протезе теснее прижиматься друг к другу, щека к щеке, настойчивее обнимать партнершу за талию, наполнять каждый взгляд призывной чувственностью.

У меня работниц много:
говорящих по-французски
и по-польски, и по-русски,
но я сам не рад порой,
что воспитывал их строго:
мне теперь ни у одной
утешенья не найти,
скажут мне: сперва плати.

Изливая в песне свои притворные жалобы, Андре Сеген ограничивается тем, что смотрит на танцующих и дает указания. Сам он не принимает участия в танце. Он смотрит, как напрягаются девичьи тела, как скользят по гладкой коже шелковые чулки, как сталкиваются друг с другом юные груди, и, наслаждаясь про себя, продолжает петь:

Скажешь: я живу порхая,
тяжкий труд мне незнаком,
что я в койке отдыхаю,
жду, когда придут девчонки,
потрясая кошельком
после славной работенки.
Приведу в свою защиту
оправдания простые:
ведь работницы мои —
не монашенки святые,
в них смиренья не ищи ты;
прочь сбегают, чуть моргни.
Чтобы их вернуть обратно,
звать приходится сержанта.

Администратор из «Рояль-Пигаль» поет, не забывая при этом оценивать скрытые возможности, которые таятся в каждой из этих девушек. Он уже успел разглядеть в Ивонне врожденную предрасположенность к танго. Сразу видно, что она усваивает этот танец быстрее и лучше остальных. И привносит в него такую чувственность, которую даже Сегену редко доводилось наблюдать. Что-то в этой молоденькой ученице волнует Сегена. Она, конечно, намного тоньше, чем женщины, о которых обычно мечтает мужчина, — но администратор угадывает в Ивонне скрытый талант, которому надо только дать созреть; остается немного подождать, думает Сеген и поет:

Дороги духи да тряпки,
всякие шелка-перкали,
полицейский тянет взятки —
посчитай, и выйдет сумма,

станешь ты меня едва ли
впредь держать за толстосума.
Отвечать за все детали,
содержать дела в порядке —
горше в мире нет печали.

И, как обычно, выплавав свое несуществующее горе, Андре Сеген заканчивал свой танцевальный класс, а потом просил девушек, чтобы их оставили с Ивонной наедине. Он сам стал ее первым клиентом. Именно Андре впервые заплатил ей за работу – и, кстати, не слишком-то щедро. А еще Андре был первым, кто проложил для Ивонны белую, абсолютно ровную дорожку на столике из черного мрамора и дал ей попробовать волшебного порошка счастья. Ивонна поняла, что в умелых руках этого волка, притворяющегося ягненком, заключены теперь нити ее судьбы.

5

В восемнадцать лет Хуан Молина пошел работать на верфь Дель-Плата. Тяжелая работа по двенадцать часов в день сделала из него здоровенного крепкого парня – только лицо все еще оставалось детским. Времена церковного хора остались позади; ангельское сопрано Молины превратилось в тенор. Пел он всегда. Он делал это с естественностью человека, привыкшего думать вслух. Таская на плече стальные бруски, Молина тихонько мурлыкал танго Селедонио²⁹, при этом выгибал бровь и кривил рот. Перекидав все бруски в кузов, Молина садился за баранку и с высоты кабины чувствовал себя настоящим великаном. Он пробирался на своем массивном грузовике «Интернэшнл» по узким проездам Дока, балансировал между портовыми строениями и рекой, а сам при этом все напевал, не выпуская сигареты изо рта. Короткие штанишки ушли в прошлое, став приятным воспоминанием. Когда солнце клонилось к закату, те самые люди, что раньше приходили в церковь специально, чтобы послушать, как он поет, теперь собирались в кафе «У Астурийца³⁰» и ждали, когда Молина возьмется за гитару и споет им несколько танго. Юношу обступали тесным кружком и наперебой заказывали ему любимые песни. Бурный роман Молины с его гитарой продолжался уже довольно долго. Порой гитара была послушной возлюбленной, нежной подругой; но бывало и наоборот – становилась неукротимой, отказывалась исполнять затейливые арпеджио. «Как нет учителей в любви, так нет их и в музыке», – поговаривал Хуан Молина. Он был абсолютным самоучкой, что придавало его манере играть и петь неповторимый индивидуальный характер. Молина не знал нотной грамоты, да и не интересовался этим.

²⁹ ...мурлыкал танго Селедонио... – Имеется в виду Селедонио Эстебан Флорес (1896–1947) – поэт, автор текстов для знаменитых танго, самое известное из которых – «Коррьентес и Эсмеральда». На его стихи Гардель записал 21 песню.

³⁰ Астуриец – житель или выходец из Астурии, исторической области на севере Испании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.
Песенки (ит.)